

Культура

Красавец, но не идиот

Мария БАБАЛОВА

Прежде чем добраться до российской столицы, певец заглянул на Урал. В Екатеринбурге он выступил с концертом и устроил маленький конфуз местным властям: категорически отказался не только от пресс-конференции, но и от встречи с губернатором, которую его подчиненные долго и громко готовили.

Москва приняла певца со звездными почестями. Номер в шикарном отеле класса de luxe, серебристый лимузин с рекламой автосалона на борту и постоянное сопровождение улыбающихся бодигардов, не снимавших темных очков в любое время суток ни на улице, ни в театре. И это все при том, что, бесспорно, мировую оперную знаменитость, а также обладателя черного пояса по кунг-фу, в России лишь единицы способны узнать в лицо.

В прошлый приезд Хосе Кура рекламировался на афишах в качестве «оперного секс-символа». На этот раз — как «идеального оперной сцены». Почему «идеально» — не знает (и, как правило, не знает) дворянское сословие в Испании, объяснить трудно, так как сегодня Хосе Кура — один из самых востребованных и высокооплачиваемых певцов в мире. Выходит, звучит красиво, хотя и бессмысленно. Впрочем, дон Хосе не обиделся, но очень удивился такому определению в свой адрес.

На пресс-конференции аргентинец появился с часовым опозданием. Начало концерта тоже задержали. Всего на двадцать минут. Первый номер концерта — увертюра к вердиевскому «Набукко» в исполнении оркестра театра «Новой оперы», в стенах которого и выступал гость, публика изнывала в ожидании встречи. Но певец не появился и в тот момент, когда в оркестре зазвучала его первая ария — Дика Джонсона из пуччиниевской «Девушки с Запада». Ожидание приобрело драматический характер. Тенор вырвался из-за кулис будто из плена в тот момент, когда до его первой ноты оставались считанные секунды. Одним резким движением, приложив палец к губам, он отменил заготовленную залом приветственную овацию и тут же стал петь. Впечатляющее. Красивейший мощный голос легко подчинился певцу, будто не зная ни волнения, ни каких-либо технических трудностей.

Образ солидного мужчины за сорок в очках, со строго зачесанными назад волосами, явленный журналистам накануне, исчез без следа. Долой очки и строгую прическу. Романтическая курчавая грива черных волос развевается при движении и спадает на плечи. К черту и общепринятый фрак или смокинг с бабочкой. Вместо него свободная рубашка из черного шелка. А, когда финальная нота все того же Дика Джонсона вдруг превращается в «Доброй вечер», что Кура выдохнул по-русски почти без акцента, зал просто начинает стонать от восторга.

Дальше — больше. На сцене появилась симпатичная переводчица, у которой поначалу, конечно же, не работал микрофон: и Кура саркастически прошептал: «Japan technics». И все же общение звезды с залом состоялось. Певец первым делом поинтересовался у девочек, сидящих в первом ряду партера, сама ли она захотела прийти на концерт или подчинилась решению мамы. Ребенок после некоторого замешательства выпалил: «I like you!» Позже певец дал совет видеопирату закрывать красный огонек своей камеры чтобы во время несанкционированной съемки ее не было видно со сцены. Но это все в перерывах между номерами: разговоры, чтение записок от поклонниц и испепеляющие взгляды в зал.

Альваро из «Силы судьбы», Канио из «Паяцев», Отелло и Каваралосси — все лучшие персонажи из галереи его героев. Каждый вызывал у публики приступ экстаза. И залу уже не важно, что от избытка чувств и театральности в поведении звезда порой допускает вокальные небрежности и фирменные верхние теноровые ноты не то чтобы не любит, но баловаться ферматами не располагает. Но латиноамериканский темперамент искупает все. От восторга до слез рыдает не только публика в зале, но и оркестранты на сцене. У них на инструментках рвутся струны, а они, блаженно улыбаясь, лишь только заканчивают аккомпанимент, вытаскивают фотоаппараты и начинают фотографироваться со звездой прямо во время концерта. Аргентинец раздал оркестрантам почти все свои цветы вместе с поцелуями.

За дирижерским пультом оркестра «Новой оперы» поочередно появлялись два ди-

Знаменитый аргентинский тенор Хосе Кура дал концерт в Москве

рижера — венгр Тамаш Пал и главный дирижер московского театра Феликс Коробов. В заключении официальной программы концерта певец также не отказал себе в удовольствии встать за дирижерский пульт: дирижирование — его страсть посылнее певческой. Поднялся занавес, за которым стоял хор «Новой оперы». «Good evening. Are you o'k?» — дружелюбно поинтересовался певец. «Yes», — ответил хор, и грянули «Половецкие пляски» из оперы Бородина «Князь Игорь». Публика была готова все простить своему кумиру. Даже дирижерство, тем более делал он это совсем не хуже своих «коллег».

Казалось, публика была готова стонать от восторга сколько угодно долго, только бы вымолить у звезды еще один бис. Ария Калафа из «Турандот» и ария Альфреда из «Травиаты» — все, что досталось сверх программы. Исполняя Альфреда, Кура так яростно жестикулировал, показывая, что фотографии мешают ему, что удивился слово «параша» произнести между двумя нотами вердиевской арии. Но заигрался и переиграл. Сбилась, засмутился и заметно расстроился. И после второго номера сверх программы вконец изможденный, не расставаясь с полотенцем, парураз вышел на поклонны, а потом решительным шагом удалился в кулисы, увлекая за собой оркестр.

Шоу закончилось. Публика осталась восторгаться и недоумевать: то ли это и есть солидный концерт оперной звезды в формате XXI века, то ли это просто аргентинское чудо.

А Хосе Луис Виктор Кура отправился с концертом в Ливию. В его жилах течет немного и ливийской крови. Перед отъездом из России певец дал эксклюзивное интервью «РК».

— Каковы были ваши ожидания от нынешнего визита в Москву?

— Прошло два года с тех пор, как я был в Москве первый раз. Теперь я уже ношу очки. Возможно, когда я приеду в следующий раз, то у меня будут уже седые волосы или вообще их не будет... Я надеюсь, что ожидания публики были не слишком высоки, чтобы я не смог их оправдать. Когда ты готовишься выйти на сцену, тебе все почему-то всегда желают чего-нибудь некресивого. Вроде ни пуха ни пера. Я всегда спрашиваю, почему никто не скажет: «Наслаждайся, получай удовольствие!» Создает впечатление, что театр приносит невезение.

— Что вы обычно говорите сами себе перед выступлением?

— Перед выходом на сцену я обращаюсь к Богу и говорю ему: «Это ты меня впустил во все это, так что шевелись, пой теперь вместе со мной!» Ведь

голос — подарок Бога, который он мне дал для того, чтобы я был полезен в жизни.

— А что вы говорите уже после выступления?

— Я обычно говорю: «Какой кошмар! Как плохо я сегодня спел».

— На сцене, как правило, тенор — жертвы трагической любви. Данное обстоятельство откладывает отпечаток на реальную жизнь?

— Нет. Я женат уже 20 лет и очень счастлив в браке. Сценические страсти не переходят в мою обычную жизнь. Я как-то не умею умирать каждый день. Выходя на сцену, я всегда надеваю маску. Если все театральные эмоции допустить до своей реальной жизни, то уже лет через пять я оказался бы в психиатрической клинике.

— Как вам кажется, что стоит дороже — профессиональный успех или личное счастье?

— Профессионального успеха добиться гораздо проще, чем личного счастья. Личное же счастье не купишь ни за какие деньги, а успех можно купить. И многие прекрасно пользуются этой возможностью. К счастью, ко мне это не относится. Я уже 25 лет честно борюсь за то место в музыке, где сейчас нахожусь. Все, чего я добился, я добился своим трудом, своими легкими. Но вокруг сегодня очень много людей, чей успех абсолютно ничем не обоснован. Мы живем в эпоху, где все или почти все — это суррогат. Сейчас, если мне нужна какая-нибудь информация, я не пойду в библиотеку и не стану переворачивать горы книг, а нажму лишь кнопку компьютера, и Интернет выдает мне готовый результат работы, которую кто-то уже сделал за меня. Мы живем в такое время, когда большинство людей потеряло вкус к труду. Гораздо проще купить замороженный полуфабрикат и разогреть его в микроволновке, чем приготовить что-то оригинальное. Это происходит и в музыке. Для многих гораздо проще потреблять суррогат вместо настоящего искусства. И вместо того, чтобы пойти в оперу, человек все чаще просто засовывает в проигрыватель компакт-диск. А сегодня уже изобрели компьютерную программу, которая может превратить лай моей собаки перед микрофоном в отличную звучащую песню. Так рождаются звезды-однодневки, изготовленные на студиях звукозаписи. Но они не могут выйти на сцену без фонограммы, один на один с публикой. Потому что в реальности они не способны петь даже в собственном душе. Это кометы, которые, проносясь, оставляют за собой лишь сожженное пространство. А на пепелище, как известно, редко вырастает что-то хорошее, царствуют псевдоидолы.

лы. В этом безумии современного мира опере очень трудно, почти невозможно выжить.

— Кто же виноват в сложившейся ситуации?

— Сегодня есть очень много новых талантливых исполнителей от 25 до 30 лет с прекрасными голосами. Но проблема заключается в том, что современный механизм художественного рынка пытается не дать этим талантливым музыкантам пробиться на сцену. Если они все-таки прорвутся, то станут слишком очевидным, что те, другие, выраженные в условиях студии, пустое место. В этой ситуации, безусловно, импресарио сильно виноваты, но часть ответственности лежит и на певцах. Сегодня многие талантливые певцы сами делают выбор в пользу больших денег и скоростной славы. Никто же не приставляет пистолет к их виску. И большинство очень быстро обжигает себе крылья. В моем случае, как и в случаях многих моих коллег, которые продолжают петь многие годы, речь не идет о каком-то чуде. Просто мы всегда умели и умеем сказать «нет», когда нужно от чего-то отказываться.

Конечно, не каждому дано быть гением. Но любой человек может стать уважаемым профессионалом, если приложит к этому соответствующие усилия. Проблема в том, что если бы в искусстве все крутилось только вокруг больших талантов, в мире было бы от силы три театра. Именно редкостью талантов и обусловлено, чтобы искусство распространилось по миру, а не оставалось в узком кругу ценителей. Даже абориген в лесах Конго должен иметь такое же право наслаждаться искусством наравне с Веней, Парижем или Лондоном.

— Несмотря на свою мировую гиперпопулярность, вы не доверяете славе?

— Стать знаменитым сегодня относительно просто. Сейчас выйду на улицу, взорву две бомбы, и завтра обо мне загорают все газеты. А вот стать великим — это то, чего достичь практически невозможно. Славу можно управлять, а вот величием управлять невозможно. Слава — это слишком приходящее понятие. Чуть дунешь — и ее уже нет.

— А какие «лакомства» любит слава?

— Много работы, слез, боли и очень много любви. Чем выше ты поднимаешься, тем более разряжен воздух и тем меньше кислорода в нем остается. И все труднее становится дышать. Иногда мир мне кажется неким заповедником, где выращивают животных для

охоты. Пока детеныш маленький, о нем заботятся, его откармливают. А когда он становится сильным и красивым, то приходит человек с ружьем и с наслаждением его убивает. Подобное происходит часто в нашей профессиональной жизни. Когда певец начинает карьеру, он как тот детеныш в заповеднике. Вокруг него вытесаются импресарио, директора театров, журналисты, все нас лелеют, пестуют, кормят всякими лакомствами, восхищаются, называют надеждой и новыми талантами. Но когда певец доходит до пика славы, то с большой радостью они же его и убивают.

— Вы своего импресарио тоже считаете потенциальным убийцей?

— Я уже давно избавился от всех импресарио. Я не только исполнитель, но и сам себе продюсер. У меня своя продюсерская фирма, и я свободен от диктата со стороны агентов. Хотя и здесь есть свои недостатки: я не только выступаю на сцене, но и вынужден сам решать административные вопросы. И порой мне кажется, что у меня нет времени даже для того, чтобы дышать.

— Вы и далее планируете ограничивать свой репертуар исключительно рамками итальянской оперы?

— Честно сказать, я люблю не всю оперу, а только ту, где на сцене находится реальный герой, которому можно поверить. Те оперы, которые рассказывают о драме жизни. Я не люблю, например, мифологическую оперу. И очень сомневаюсь в том, что когда-нибудь, например, буду исполнять Вагнера. К тому же, мне неудобно петь на немецком языке. Я должен делать только то, в чем я могу быть лучшим. Но если бы мне удалось решить языковой вопрос, я собрал бы все свое мужество и с удовольствием исполнил «Пиковую даму». Но за последнее время я много опер исполнил впервые, так что сейчас мне необходима небольшая пауза. Дирижерская. Например, через месяц я дирижирую Вторым концертом Рахманинова для фортепиано с оркестром и Девятой симфонией Дворжака «Из Нового Света».

— Какое самоощущение для вас ценнее — певческое или дирижерское?

— Я чувствую себя больше дирижером, чем певцом. Дирижером я стал, когда мне было пятнадцать лет. Это значит, что я стою за пультом уже 25 лет. Петь я начал лишь в 28.

— Почему же, на ваш взгляд, пение вам принесло куда больше успеха, нежели дирижирование?

— Совершенно естественно,

что карьера певца, а в особенности драматического тенора с коммерческой и зрительской точек зрения, реализуется гораздо быстрее, чем у дирижера. За очень редким исключением дирижер становится звездой мировой величины, когда ему уже сильно за пятьдесят. В то время как у певцов вся слава и весь успех приходят значительно раньше. Тем не менее дирижерская профессия имеет одно огромное преимущество — дирижер может работать почти до самой смерти. Более того, чем старше становится мастер, тем лучше он дирижирует. У певца же есть определенный временной лимит в профессиональной жизни. Поэтому для меня сейчас очень важно использовать те годы, которые мне отпущены как певцу. Сегодня я дирижирую немного, но, когда закончится моя певческая карьера, я смогу полностью посвятить себя дирижированию. И это сможет, я надеюсь, продлиться долгие годы.

— Какую черту своего характера вы считаете определяющей?

— Я дьявольски упрямый неконформист и бунтарь. Это определения, кажущиеся негативными, но на самом деле позитивны. Я никогда не приму позицию «согласителя», человека, который не борется и все принимает так, как есть, лишь бы не привлекать к себе внимания. Долг любой общественной личности — брать на себя обязательства по отношению к себе подобным, к жизни, к власти. Очень легко быть публичной персоной и наслаждаться роскошью, ничем не рискуя. Я очень часто взваливаю на себя проблемы других, а посему часто получаю удары. Но я предпочитаю жить с этими ударами, чем жить в изоляции и быть последним лицемером. А еще я перфекционист и зануда, но ведь симпатичный, не правда ли?

— К кому же всемирно признанный секс-символ...

— Это длинная история, придуманная совсем не мной, а одним журналистом. На обложке своего журнала он поместил мою фотографию со словами «Хосе Кура — сексуальный мечтатель». Таким образом, он увеличил продажи своего журнала, а это определение припило ко мне на последние пятнадцать лет. Почему-то все помнят, что я секс-символ, и мало кто задумывается над тем, что я долгие годы работал, чтобы стать тем музыкантом, которым являюсь сегодня. Существует клише: если вы хорошо выглядите и привлекальны, то вы непременно идиот, а если вы умны и интеллигентны, то вы не можете выглядеть хорошо. Считается, что тенор не может быть умным. Вот почему я ношу очки, отращая живую, и, наверное, скоро у меня начнут выпадать волосы. Надеюсь, когда все это со мной произойдет, люди будут говорить не о том, что я тенор секс-символ, а о том, что я хороший музыкант.

— Но вы ведь не будете отрицать тот факт, что в значительной степени своей популярностью опера обязана именно тенорам...

— Этому может быть много объяснений, как психологического, так и физического свойства. Голос тенора — это голос, заключающий в себе наибольший риск, а людей очень привлекает риск. Например, в цирке внимание публики в гораздо большей степени привлекает канатоходец, который идет под куполом цирка, чем клоун, работающий на арене. Другое объяснение, более простое и не такое вычурное: композиторы всегда или почти всегда отводили тенору роль «хорошего мальчика». Но лично мне гораздо больше нравится голос баритона.

— Какой день своей жизни вы готовы назвать самым счастливым?

— День моей свадьбы, дни, когда родились мои дети! Это были невероятные дни!

— Что вы считаете своей самой большой удачей?

— Тот момент, когда мои дети просто дали поставить мои диски и с удовольствием слушают, как я пою.

— Вы желаете, чтобы кто-нибудь из ваших детей пошел по вашим стопам?

— Чего я хочу от моих детей — это не имеет никакого значения. Важно только то, что они сами хотят сделать в этой жизни. И я никогда не посмею попытаться на них свалить.

— Что вы обещали своим близким привезти из России?

— Не расскажу. Это секрет, тайна моей личной жизни.

— Какого момента вы больше всего боитесь в жизни?

— Когда придёт время платить налоги.

— А много ли грехов вы готовы себе простить?

— О, их множество. Но эту тайну я тоже не открою. Это опасно... Я стану плохим солдатом, открою свой слабый фланг, и тогда будет легко стрелять. В жизни есть очень много вещей, о которых можно разговаривать только с зеркалом.